

СВЕТ ПУШКИНА

Мы ходили по залам старого замка, лилась плавная русская, с чуть заметным акцентом, речь хранителя музея Эрики Кушнеровой, и мы, конечно же, думали о том, как бесконечно дорого нашему сердцу все, все, что связано с Пушкиным, и как благодарны бываем мы судьбе, если она мимо сутолоки и суеты приводит нас в то место, где вновь погрузит в этот неисчерпаемый родник мудрости, пронзительного лиризма, национальной гордости России.

Здесь, в словацком селе Бродзяны, среди холмов и лесов, на живописных берегах реки Нитра было именно такое место. Что это за замок? Почему было упомянуто имя великого поэта? Что вообще привело нас и ежегодно приводит тысячи человек сюда, в Бродзяны?

Здесь, в ренессансный замок был возведен в XVII веке на месте более старых построек. Потом его подновили в стиле более романтическом. А в 40-х годах прошлого столетия его купил австрийский дипломат Густав Фризенгоф. С этого момента в историю замка и усадьбы властно вошло слово: «Пушкин».

В 1839—1844 годах Фризенгоф и его первая жена Н. И. Иванова жили в России, где сблизилась с Н. Н. Пушкиной и ее сестрой, А. Н. Гончаровой, гостили в 1841 году в Михайловском. А через несколько лет Александра Николаевна стала женой овдовевшего австрийского барона и с тех пор до самой своей кончины в 1891 году жила в Бродзянах. Здесь в гостях у нее не раз бывали Наталия Николаевна, дети поэта, его друзья — Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев. В Бродзянах продолжалась русская жизнь.

Сейчас здесь находится Литературный музей имени А. С. Пушкина. Это филиал знаменитой Матице Словенской — замечательного патристического и научного учреждения, возникшего более ста лет назад. Замок реставрирован в 1979 году, сверкает чистотой и аккуратностью. Вряд ли стоит рассказывать обо всем, что здесь собрано, — это все-таки дело специалистов. Но о впечатлении от некоторых экспонатов нельзя не сказать.

Нас встретила «Песнь о Вещем Олеге» — интересный перевод, опубликованный в Словакии в 1836 году: пушкинский текст приводится дословно по оригиналу, функция «переводчика» состояла лишь в том, чтобы записать русские слова латинскими буквами. Десять лет спустя «Вещий Олег» вышел в журнале «Орел Татранский» уже в настоящем поэтическом переводе Я. Краля.

На лестничных переходах — еще один сюрприз: десятки экслибрисов, повествующих о жизни русского поэта и его творчестве, — поистине целая Пушкинина. Это подарок музею от коллекционера К. Изаковича-Подолинского, который и сейчас живет и здравствует в Братиславе.

В музыкальной гостиной, где подлинная вся мебель и обстановка, на рояле — ноты А. Н. Гончаровой-Фризенгоф, на полках — специально приобретенные книги из знаменитой лавки Смирдина. Копия визитной карточки А. С. Пушкина и плодотворное портретами его генеалогическое древо, на ветвях которого нашлось свое почетное место и няня Арина Родионовна.

Портрет красавца с эпюлатой «Дантес» — спрашиваем мы. — А этот зачем здесь? Наш гид Эрика отвечает уклончиво и деликатно: «Действительно, очень похож. Мы тоже сомневались. Но вот советские товарищи считают, что на этой небольшой акварели модного в Петербурге 30—40-х годов глухонемого художника Гампельна изображен брат Наталии Николаевны — Иван Гончаров».

Естественно, что большое место уделено и самой семье Фризенгофов. Здесь узнаешь много интересного. Сын австрийского дипломата Григорий (Георг) стал впоследствии одним из основоположников Матице Словенской и видным словацким астрономом. Дочь Александры Николаевны Наталия Ольденбургская была весьма одаренным человеком: она занималась музыкой, у нее вышло два сборника стихов на немецком языке, сохранилось много ее рисунков и картин, в том числе и ценных с исторической точки зрения. Она основала первое в Словакии Крестьянское общество, дом сирот, дом престарелых. В 72 года лихо скакала на лошади и сфотографировалась в таком виде. На холме над Бродзянами хорошо видна часовня, где похоронены прах вместе с останками ее матери.

Музей наглядно показывает и словацко-русские литературные связи вообще. Под стеклом лежат личные вещи Л. Н. Толстого — перо, которым была написана статья «Не могу молчать!», чайник, шахматные фигурки. Их передал Матице Словенской врач писателя Душан Маковицкий, как известно, словак по национальности. С его помощью роман «Воскресение» вышел пословацки в Жилине раньше, чем в России. Этот экземпляр книги, разумеется, тоже на стенде. Здесь же стихи — в них выдающийся словацкий поэт П. О. Гвездослав, откликнувшись на смерть Толстого, поставил его для себя выше своих родителей.

Портреты Толстого, Тургенева, Достоевского, писанные маслом местным художником Митровским. Гоголь, Чехов, Фадеев, Эренбург, Полевой. И более ранняя вещь — сочинение Ф. Челаковского «Отзвук песен русских и чешских»... Да, был и есть отзвук. Он жив. Он сегодня еще сильнее, чем прежде.

Откуда же все это богатство в бродзянском замке? Едва мы зададимся этим вопросом, как тут же сама собой воз-

Бюст Пушкина в бродзянской усадьбе. Обновленный замок Фризенгофов в Бродзянах.

никнет тема сотрудничества словацких и советских специалистов в создании музея. Надо сказать, что все документы и вещи Александры Николаевны и ее дочери долгое время находились в замке. Но годы брали свое. В замке Фризенгофов поселились другие люди — несколько семей бродзянских жителей. Реликвии рассеялись по разным местам Словакии. Когда в 60-х годах возникла идея создать музей, начинать надо было почти заново.

И начали, и создали! Жители Бродзяны и соседних деревень и городов принесли в рождавшийся музей многие оказавшиеся у них вещи, мебель, часы. Сотрудник Матице Словенской И. Седлак и советский исследователь Л. С. Кишкин в течение нескольких лет вели поиск и обнаружили множество портретов, альбомы, письма, фотографии. Сейчас в Бродзянах можно, например, видеть фотографию Наталии Николаевны 50-х годов, семейную фотографию 1861 года, на которой Александра Николаевна с дочерью и Наталия Николаевна с детьми, акварельные портреты обеих сестер.

Музей располагает автографом стихотворения «Мотылек и цветы» В. А. Жуковского и его швейцарскими пейзажами, рисунками О. А. Кипренского и Ксавье де Местра, альбомом, вобравшим — увы, в весьма ветхом состоянии — гербарий, собранный женой и детьми А. С. Пушкина в Михайловском в 1841 году. Из фондов Словацкого национального музея поступило также много изображений сестер Гончаровых, их отца и матери, виды родного имения Полотняный завод, старинные гравюры Москвы и Петербурга.

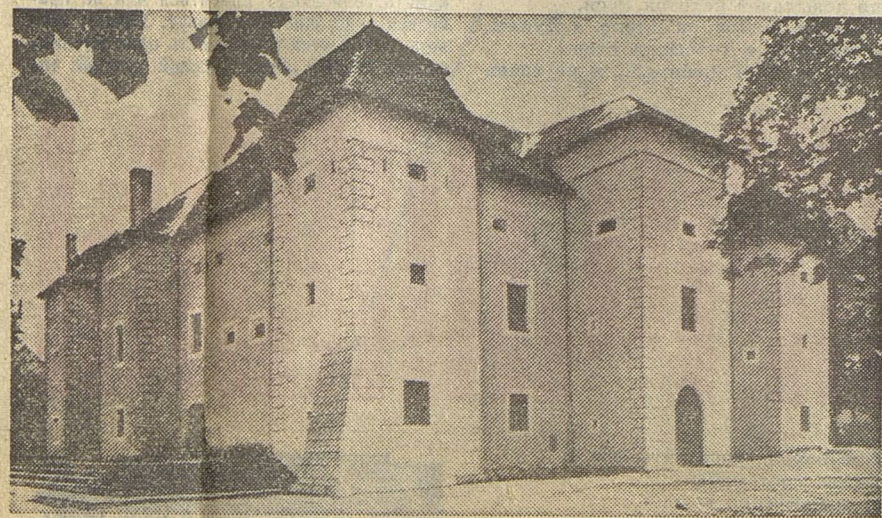
А новые материалы все приходят, поиск все продолжается. И есть еще что искать.

Драгоценной находкой оказалась дверь. Обыкновенная дверь, ведущая из одной комнаты замка в другую. На ее косяке сохранились подлинные пометы, которые делала, видимо, Александра Николаевна. Отмечался рост детей, да и взрослых — членов семьи, родных, приезжавших в гости. Около каждой отметки — точная дата и имя. Вот рост жены Пушкина — 173 сантиметра. Метка 1863 года. Вот младшая дочь Наталия, уже под мужниной фамилией Дубельт, — тоже 173 сантиметра. Не знаю, правда, с каблучками все это мерилось или без... Старший сын Александр, храбрый воин,

генерал, кавалер почти всех российских орденов, побывал здесь в 1858 и 1868 годах и тоже «отметился»: 174 сантиметра.

Об этих поисках и находках, о ценностях музея в Бродзянах в разные годы уже сообщалось в нашей научной и широкой печати. На словацком языке издан отличный путеводитель. Его автор — Л. С. Кишкин. Позволю себе привести здесь его прочувствованные слова в обратном переводе на русский:

«Мы вышли из ворот Братиславского града, когда солнце уже склонилось к заходу. Под нами расстилалась великолепная панорама долины Дуная, реки, которую так часто вспоминал Пушкин в своих произведениях... А по другую сторону, в направлении недалекого Брно, находился Славков (Аустерлиц), где разыгралась знаменитая битва, о которой он не раз писал. Пушкин располагал достаточной информацией и о словаках. В его библиотеке был сборник словацких народных песен, изданный в Харькове в 1832 году. С некоторыми из этих песен, как утверждают пушкинисты, связано рождение многих творений... Одно из стихотворений

цикла «Песни западных славян» в рукописи называлось «Конь словака». Но мог ли поэт предполагать, что портреты близких и дорогих ему людей окажутся в Словакии? Мог ли предвидеть, что его жена и дети будут приезжать в Словакию, и их посещения Бродзяны станут одной из причин создания музея в этом селении?»

Конечно, ни предвидеть, ни предполагать этого Пушкин не мог. Но его душа, избежавшая тленя в его заветной лире, посетила и этот уголок в Западной Словакии. И осталась в нем навеки.

...В узкое замковое окно я вижу вдруг Пушкина. Поэт бледен; белый профиль словно светится на темной зелени дубов, чуть тронутых осенним увяданьем. Поэт задумчив; минута — и стихи свободно потекут. Как напомнило это сразу и нашу обрамленную каштанами и липами площадь в центре Москвы, и Царское Село, и сквер перед Русским музеем в Ленинграде... Нам, потомкам, стало привычно видеть Пушкина среди природы. И здесь, у тихого потока, возле белой деревянной скамейки, нет никакой неожиданности в том, что встречаешь вдруг Пушкина. Почему-то знаешь, что так и должно быть.

Бюст Пушкина, установленный в бродзянской усадьбе, в прошлом году получил Государственную премию Словацкой Социалистической Республики. Хотя вернее сказать, получил ее автор, заслуженный художник ЧССР Ладислав Снопек.

...Его братиславская мастерская лежит на склонах священного холма Славин, на вершине которого спят вечным сном 6.845 советских воинов — освободителей словацкой столицы. Сам мастер крепок, у него большие, сильные руки, прищуренные, смеющиеся глаза за стеклами очков. Пушкина он знал еще с детства.

Слышали ли вы о Петере Илемницком? Вот этот-то выдающийся словацкий писатель, член КПЧ с 1921 года, то есть со времени ее основания, автор больших романов о судьбах народных, был учителем словесности в том классе в городе Трнаве, где учился Ладя Снопек.

Конечно, такой учитель дал нам очень многое. Он цитировал наизусть русскую поэзию и прозу, познакомил нас и с Пушкиным, и с его преемниками. А в более раннем детстве я залезал в книги отцовской библиотеки. Там было много русских поэтов. Так что Пушкин в моей жизни не чужой. Пришлось, понятно, при

работе над памятником кое-что перечитать, переосмыслить. Но основа уже была.

Снопек держит на ладони модель пушкинского бюста сантиметров в десять высотой. Разумеется, говорит, награда порадовала, это почетно... Но в момент нашей встречи он уже был увлечен новой работой.

Это девять памятных медалей из цикла, который он назвал «Боевой путь». И конкурс, и эта работа посвящены 40-летию Победы и освобождения Чехословакии. Боевой путь — это дорога от Бузулука до Праги, которую прошел 1-й Чехословацкий армейский корпус. Восстание, сопротивление, упорные бои и желанная победа — все это отразилось в его творчестве.

— Я всегда преклонялся перед героями тех славных лет. Перед партизанами, участниками Словацкого национального восстания. (Как тут не вспомнить, что там, в Бродзянах, ведь тоже шли кровавые бои, недаром соседний город получил имя Партизанске, а в самих Бродзянах есть и другой памятник — организатору партизанского движения в этих краях А. Грзнару. — Л. К.). О Советской Армии, о Стране Советов мы, студенты Академии художеств в Праге, говорили с глубоким уважением и благодарностью. Знаете, как родились эти медали? В 1983 году мне выпал счастливый случай: вместе со своими учениками — что делать, годы идут, и я сам давно уже профессор Братиславского института изобразительных

искусств — я посетил Киев, Белую Церковь, другие места боев корпуса генерала Л. Свободы, в том числе знаменитую высоту 208,4. Увиденное не могло не вдохновить. Я должен был эту работу сделать и буду ее продолжать.

Сейчас Ладислав Снопек трудится над памятником Клементу Готвальду, которому предстоит стоять в Трнаве, городе, где когда-то будущий скульптор впервые услышал имя Пушкина, где всегда были сильны любовь к России и революционные традиции, городе, в 12 километрах от которого, в Ясловске-Богунце, как работающий монумент чехословацко-советской дружбы и сотрудничества дышит мощью и энергией первая в ЧССР атомная электростанция. Что ж, а в том разделе экспозиции музея в Бродзянах, который рассказывает о связях словацкой и советской литературы, я видел на фотографиях и открытое, доброе лицо трнавского учителя скульптора — Петера Илемницкого. Вместе с Ладиславом Новомеским, Франтишком Крапом и другими писателями и публицистами он входил в революционно-литературную группу «Дав», участвовал в издании журнала того же названия...

Вот она как обнаружилась, как проявилась, связь времен! Кроновое родство эпох — той, далекой, трагической и светлой, и менее дальней, героической и суровой, и самой живой, сегодняшней, сиюминутной. Луч памяти прорезал все и остался навсегда. И я не могу избавиться от такой простой, но почти колдовской мысли, что это все через Пушкина, с его помощью все так связалось. И этот обновленный, созданный с таким тщанием музей, и заботливые руки его хранителей, берегающие нити исторической переклички. И тот огромный нынешний интерес чехословацкой молодежи к русской и советской литературе, объединенный Пушкинскими чтениями и конкурсами, которые тоже нашли отражение на стендах замка в Бродзянах. И плодотворное сотрудничество с советскими учеными — историками, филологами, литературоведами, ступавшее по легким следам великого русского поэта в Чехословакии. И судьба художника, скульптора, щедро дарящего свой талант на главных вехах нашей памяти и братства, — таких, как Великая Победа, как Александр Сергеевич Пушкин.